

Владимир Малахов

Труд, социальная власть и миграция: российская специфика

Цель статьи – проанализировать роль трудовой миграции в функционировании политико-экономических и социальных отношений в современной России. Основной тезис состоит в том, что использование мигрантской рабочей силы является структурным фактором сегодняшней российской экономики, а манипуляции вокруг порождаемых миграцией «угроз» - структурным фактором российской политической жизни. Автор уделяет специальное внимание таким разновидностям социальной власти как экономическая, политическая, административная и культурная власть. Соответственно, он анализирует интересы игроков, связанных с тем или иным видом власти, и вытекающие из этих интересов различия в позициях по отношению к трудовой иммиграции.

I. Россия в контексте глобальных миграций

Россия – равно как и СССР в целом – была изъята из транснациональной циркуляции населения на протяжении семи с лишним десятилетий. Начиная с 1990-х гг., мы включились в глобальные миграционные процессы – как в качестве страны эмиграции, так и страны иммиграции. И если эмиграционный поток в случае нашей страны относительно невелик, то по уровню иммиграции Россия вышла на одно из первых место в мире.

I.1. Россия как эмиграционная страна

В начале 1990-х гг. в западных медиа появилось немало публикаций, бивших тревогу по поводу возможного массового наплыва из бывшего СССР. Говорили о сорока миллионах голодных обитателей поверженной «империи зла», которые захотят обустроиться в благополучной Европе. Ничего подобного не произошло. Количество покинувших страну оказалось гораздо более скромным [Ахиезер 1993]. Что касается выезда непосредственно из Российской Федерации (тогда в составе Союза), то по официальной статистике он составил в 1989-1991 гг. порядка 1,7 млн. человек (на деле несколько больше, поскольку ею не были учтены люди, воспользовавшиеся для эмиграции туристическими и студенческими визами).

К массовому исходу из России не подтолкнули и болезненные реформы начала 1990-х гг. При всех разбросах в подсчетах, аналитики сходятся на том, что за десятилетие,

последовавшее за распадом СССР, т.е. к 2001 г. из Российской Федерации эмигрировало примерно 1,1 млн. человек. В среднем страну покидало порядка 100 тыс. человек ежегодно.¹ В «нулевые» ситуация стабилизировалась, и количество эмигрантов составляет несколько десятков тысяч человек в год. К ним надо прибавить определенную часть российских граждан, работающих за границей по контракту и не собирающихся возвращаться.² Такие люди де юре не являются эмигрантами и не «улавливаются» статистикой. Но, как бы то ни было, вклад российского населения в международную трудовую миграцию на сегодняшний день невелик.

I.2. Россия как транзитная страна

Россия выступает как страна транзита для довольно многочисленных групп людей, эмигрирующих из своих стран на Запад. Это граждане Ирака, Китая, Афганистана, Эфиопии, Сомали, Вьетнама и др. Их количество невозможно определить сколько-нибудь точно, ясно лишь, что счет идет на сотни тысяч человек. В 2005 г. более 200 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства были оштрафованы за нахождение на российской территории дольше, чем это предполагала их виза [Ивахнюк 2009: 109-110]. Многие из них задерживаются в России, пытаясь накопить денег для дальнейшего броска в материально благополучный мир. Так, если прямой переезд из Кабула в Лондон обходился афганскому мигранту в середине 1990-х гг. примерно в 3 тыс. долларов, то переезд в Москву – в 500 долларов. Налажен и сервис по переброске людей из Китая в США через Россию. Расценки (включая переезд и оформление документов) на середину 1990-х гг. были таковы: переезд в Нью-Йорк через Москву с последующей легализацией от 40 до 50 тыс. долларов; московский участок пути от 6 до 10 тыс. долларов [Там же].

Нередко оказывается, что у мигранта, ориентированного на Запад, не хватает денег на дальнейший путь. В итоге он «застревает» в России на годы. Из тех транзитников, кто провел в России от года до трех-пяти лет, четверть сменила планы и не хочет уезжать из России (не приняли решение 15%). Среди тех, кто провел в России более чем 5 лет, желающих остаться еще больше: 44 % (еще 17 % не определились) [См.: там же:121].

II. Россия как иммиграционная страна

В превращении Российской Федерации иммиграционную страну можно выделить следующие принципиальные этапы.³

Этап первый – начало 1990-х годов. Он связан с распадом СССР и его последствиями. Характеристики этого периода таковы.

(а) *Окончание периода «закрытого общества».* Это не просто открытие границ. Это, прежде всего, отмена системы «прописки». Прежняя система (существовавшая с 1932 г.) крайне затрудняла передвижение граждан внутри страны.⁴ Поэтому ее отмена дала толчок географической мобильности граждан, до недавнего времени не привыкших к перемене мест.

(б) *Превалирование политических факторов миграции над экономическими.* Для сотен тысяч людей, хлынувших в это время в Россию, основным мотивом перемещения был отнюдь не поиск работы, а угроза физическому существованию. Сначала события в Нагорном Карабахе (1988) и Баку (1990), затем резня в Ферганской долине, приведшая к бегству из Узбекистана турок-месхетинцев, кровопролитные этнические конфликты в Абхазии и Южной Осетии (1991-92), гражданская война в Таджикистане, этноцентричный режим Дудаева в Чечне и т.д. – вот далеко не полный перечень конфликтов, повлекших за собой массовые перемещения людей из бывшего СССР в Российскую федерацию. Добавим сюда порядка ста тысяч афганских беженцев, вынужденных покинуть страну вместе с советскими войсками в 1989. Немалая часть из них обосновалась в России.⁵ Все эти люди подпадают под категорию беженцев и вынужденных переселенцев⁶.

Таким образом, волны иммиграции в Россию в начале 1990-х гг. не носили характера трудовой миграции, хотя многие из приехавших тогда в страну и влились в российский рынок труда. [Азраэл, Мукомель 1996; Витковская 1998; Коробков, Палей 2005].

Этап второй: с середины по конец 1990-х гг Особенность этого периода – в появлении феномена трудовой миграции. Количество людей, въезжающих в Россию в поисках работы, все с большей очевидностью превышает количество вынужденных переселенцев и соискателей политического убежища. Между тем для этого периода, так же, как и для предыдущего, характерны стихийность, хаотичность миграционных процессов и *пассивная позиция властей*. Пассивность власти можно увязать с растерянностью в результате масштабного и неконтролируемого характера происходивших процессов. Государство приняло чрезвычайно либеральное законодательство о гражданстве, а также взяло на себя обязательства по приему беженцев и вынужденно переселенных лиц (присоединившись к международным конвенциям). Однако довольно скоро стало очевидным, что государство не в состоянии выполнить взятые на себя обязательства [Зайончковская, Мкртчян, Тюрюканова 2009; Мукомель 2005].

Этап третий: с рубежа 1990-х-2000-х по настоящее время В этот период Россия складывается как *иммиграционная страна*, т.е. как страна, для которой иммиграционный приток имеет принципиальное значение по демографическим и экономическим причинам.

В течение этого десятилетия формируется *структура трудовой миграции в Россию* - ее основные потоки в географическом, социально-профессиональном и демографическом (в том числе в этническом, возрастном, гендерном) отношении.

II.1. Специфика России как иммиграционной страны

(а) Прозрачные границы с большинством стран бывшего СССР

С большинством постсоветских государств Россия имеет безвизовый режим (исключения составляют три страны Балтии, Туркменистан и Грузия). Это означает, что реальное количество людей, находящихся на российской территории с целью трудовой деятельности, практически не поддается учету. Граждане Украины, Молдовы, государств Южного Кавказа и Центральной Азии, работающие в России на временной или постоянной основе, составляет миллионы (хотя официальная статистика фиксирует количества, на порядок меньшие). Разброс оценок количества «нелегальных мигрантов» поистине впечатляющ. В конце 1990-х фигурировали цифры от 250 тыс. до 7 млн. [Красинец, Кубишин, Тюрюканова 2002: 246-247], несколько позже – от 700 тысяч до 19 млн. человек.⁷

(б) Сырьевой характер экономики

Экономический рост происходит, главным образом, в трех секторах народного хозяйства – добыче полезных ископаемых, торговле и сфере услуг. В течение нескольких лет, предшествовавших кризису, сюда прибавилась металлургия и мебельная промышленность (однако они сильно пострадали от падения цен осенью 2008 г.). Специалисты не случайно говорят о периоде путинского правления (особенно о его втором сроке, с 2004 по 2008 г.) как о *росте без развития*. Темпы увеличения ВВП в этот период были относительно высоки (6-7% в год), однако достигались они в основном за счет экспорта углеводородов. (Напомним, что именно в 2004 г. начался беспрецедентный рост мировых цен на нефть). Приток в страну огромного количества нефтедолларов подхлестнул бум в сфере услуг⁸, а также в жилищном строительстве.

Именно в этих двух сферах и сосредоточено предложение мигрантского труда. Около 70% от общего числа иностранных граждан, работающих в России, заняты в

торговле и в строительстве [Зайончковская, Мкртчян, Тюрюканова 2009]. Лишь 7% из них трудятся в промышленной переработке (и столько же в сельском хозяйстве).

Сырьевой характер экономики влечет за собой крайне высокий – если не сказать, критический – уровень социальной поляризации. Поскольку в производственном секторе прибыльными, по существу, являются только отрасли, связанные с экспортом сырья, именно в этих отраслях извлекаются высокие доходы. Отсюда и произошло, что уровень жизни узких групп, имеющих прямое отношение к контролю над экспортом, несопоставимо выше того уровня, на который могут рассчитывать «средние классы» (составляющие, по самым оптимистичным оценкам, не более трети населения), не говоря уже об остальных двух третях российских граждан.

Но дело не только и не столько в неприемлемой социальной поляризации. Дело еще и в том, что занятость в промышленном производстве оказывается невыгодной. Это не та сфера приложения сил, с которой жители России связывают надежды на достойное существование. Поэтому наиболее активная и амбициозная часть населения устремляется в области деятельности, не имеющие отношения к материальному производству – в торговлю и сферу услуг.

Как вписываются в эту специфическую ситуацию мигранты? Они обустроиваются, в основном, в двух социальных нишах. С одной стороны, это тяжелая и непрестижная работа на стройке, в ЖКХ, на ремонте дорог и т.д. С другой стороны, это мелкооптовая торговля и услуги (автосервис, ресторанный бизнес и т.д.). И если ниша, которую они занимают в первом случае, не является предметом зависти со стороны местного населения⁹, то материальный достаток, которого некоторым мигрантам удастся добиться во втором случае, сопряжен с ресантиментными¹ настроениями.

(в) *Высокая степень коррумпированности на всех уровнях управления*

Она столь высока, что имеет смысл вести речь о системном характере коррупции. Последняя пронизывает собой все уровни отношений между экономическими и политическими субъектами, в силу чего стирается грань между тем, что легально и что нелегально.

Применительно к нашей теме это обстоятельство находит следующее выражение.

Мигранты, желающие работать в России, должны оформлять два вида документов: разрешение на пребывание (регистрация) и разрешение на работу. Однако получение каждого из этих документов сопряжено со столь большим количеством бюрократических

¹ Термин ресантимент (от франц. *ressentiment* – злоба, злопамятство) прочно вошел в социологическую литературу.

препятствий, что для многих оказывается непосильной задачей.¹⁰ Здесь на помощь мигрантам приходят разного рода «посредники». В частности, они в состоянии быстро и недорого оформить регистрацию, легальность которой сильно варьируется. По минимальным тарифам предлагается фиктивная регистрация (ее фиктивность вскроет самая поверхностная проверка, но ее достаточно, чтобы не быть оштрафованным рядовым милиционером на улице). По более высокой цене можно приобрести полуфиктивную регистрацию (ее недоброкачественность обнаружить труднее). Это так называемые «серые» документы. И, наконец, совсем дорого приходится платить за «белую» регистрацию. При этом сами мигранты, отдавая деньги посредникам, никогда не могут быть уверены в том, какие документы - «серые или «белые» - они получают. [Reevs 2007].

(г) Широкие масштабы теневой экономики

Размеры теневой экономики в сегодняшней России оцениваются по-разному. Как правило, эксперты сходятся на цифре 20-25 % от ВВП. Однако некоторые аналитики делают более радикальные оценки – до 40% от ВВП. Как бы то ни было, теневая (т.е. не облагаемая налогами) экономика является главным источником спроса на труд «гастарбайтеров». Именно здесь бесперебойно функционируют схемы нелегального найма труда и его нелегальной оплаты. Для трудящихся мигрантов (3/4 из которых не имеют правового статуса) это означает:

- работу без трудового соглашения (на основе неформальных договоренностей)
- работу по сниженным расценкам
- сверхурочную работу без дополнительной оплаты.

Кроме того, находясь вне правового поля, трудовые мигранты сталкиваются с риском либо получить за выполненную работу меньшее вознаграждение, чем было обещано, либо не получить вообще ничего [Предотвращение 2008].

(д) Слабое профсоюзное движение и минимальное участие трудовых мигрантов в деятельности профсоюзов

После победы российского варианта неолиберализма в начале 1990-х гг. прежнее законодательство о труде было отменено. Ему на смену пришли нормы, благоприятствующие работодателю и болезненные для работника. Созданный в те годы централизованный профсоюз, хотя и носит название Федерация независимых профсоюзов (ФНП), на деле абсолютно лоялен государству. Попытки работников в некоторых отраслях создавать действительно независимые профсоюзы наталкиваются на жесткое противодействие. В этих условиях трудно себе представить сколько-нибудь существенное

членство трудовых мигрантов в профсоюзах. Первые случаи такого членства зафиксированы в строительной отрасли. Однако пока речь идет о разве что гомеопатических дозах.

В течение последних лет стали появляться общественные организации, представляющие мигрантов. Таковы «Федерация мигрантов России» (объединяющая, в основном, выходцев из так называемого «дальнего зарубежья»)¹¹, «Таджикские трудовые мигранты» и др.

Влияние этих организаций на сегодняшний день почти нулевое. Тем не менее, симптоматичен сам факт их возникновения. Если 3-5 лет назад мало кто догадывался об их существовании, то в течение последних полутора лет им удалось заявить о себе в публичном поле. Так, «Федерация мигрантов России» активно выступила против закрытия Черкизовского рынка в Москве осенью 2009 г. Активисты этой организации, опираясь на СМИ, привлекли внимание общества к судьбе рядовых работников рынка.¹²

(е) Невысокий уровень этнической сегрегации

Российская ситуация с дифференциацией рынка труда под влиянием иммиграции в ряде отношений вполне сопоставима с ситуацией в индустриально развитых странах. В частности, в экономике России, так же, как в других иммиграционных государствах, складываются своего рода «этнические ниши» [см. Кузнецов, Мукомель 2007]. Однако в том, что касается расселения, Россия представляет собой специфический случай. В российских городах – по крайней мере, пока – нет этнических кварталов, характерных для многих стран Западной Европы и Северной Америки. Причина тому: особенности структуры жилого фонда. В российских городах – в Москве, в частности, застройка в последние 15 лет идет так, что «элитные дома» возникают повсеместно, а не только в элитных районах. В результате «престижное» и «непрестижное» жилье оказываются в одном квартале. Поэтому, даже если мигранты и стремятся селиться в более доступном по цене жилье, компактность их расселения не достигает критической массы, при которой можно говорить об этнических гетто [Вендина 2005]. Изолированно – в общежитиях, расположенных поблизости от мелкооптовых рынков – живут выходцы из Китая и Вьетнама, однако эти поселения, опять-таки, находятся внутри обычных городских кварталов. Так что о перспективе появления в нашей стране «чайна таунов» говорить, очевидно, преждевременно.¹³

Разумеется, сегментация городского пространства происходит и набирает обороты. Одни районы разительно отличаются от других (достаточно сравнить Кунцево с

Бирюлево, если говорить о Москве). Однако это разделение не по этническому, а по социально-классовому (и профессиональному) признаку [Vendina 2002].

III. Кому выгодна «нелегальная миграция» ?

Российские политики – как из мейнстрима, так и с периферии политического поля – не устают выражать озабоченность масштабами «нелегальной миграции» и призывать к ее искоренению. Мы, однако, утверждаем, что феномен, обозначаемый этим именем¹⁴, является структурообразующим для общественной жизни современной России. В том, чтобы на территории страны трудились несколько миллионов иностранцев и в том, чтобы большинство из них находились в неопределенном правовом статусе, заинтересованы многие.

Ниже мы попытаемся типологизировать носителей такого интереса.

Большой бизнес

(а) Для капитанов строительной индустрии – а именно, жилищного строительства и строительства (и, разумеется, ремонта) дорог – использование мигрантского труда оказалось настоящей золотой жилой. Сверхэксплуатация мигрантов означала сверхприбыли. Слушая журналистские репортажи об условиях труда таджиков и других мигрантов из Средней Азии на московских стройках в 1990-е гг., трудно не вспомнить известный афоризм Маркса о крупном капитале, согласно которому, при обещании нормы прибыли в 300% «нет такого преступления, которого бы он не совершил».¹⁵

(б) Другой сферой широкомасштабного применения труда мигрантов стало жилищно-коммунальное хозяйство. Если в 1980-е и первой половине 1990-х основной контингент дворников и уборщиков в Москве составляли «лимитчики» (русские граждане из других городов, приезжавшие на тяжелые работы в столицу ради получения по истечении десяти лет «прописки»), то в последние полтора десятилетия их полностью вытеснили выходцы из Средней Азии – таджики, киргизы, узбеки.

(в) Торговые сети. Присутствие мигрантов в этой сфере заметно возросло после кризиса 2008-2009 гг. Реагируя на кризис, предприниматели стали снижать издержки за счет найма более дешевой рабочей силы из Средней Азии.

В России в целом и в Москве, в частности, сформировалась своеобразная система сегрегации на рынке труда. Согласно экспертным опросам, эта сегрегация выглядит следующим образом: если принять заработную плату москвича за 100%, то российский гражданин из другого региона получает 80-90% от этой зарплаты, выходец из Украины –

70-80%, выходец из Молдовы – 50%, а выходец из Средней Азии – 30-40 %.

[Зайончковская, Мкртчян, Тюрюканова 2009:36].

Организованная преступность

Криминальный мир выполняет по отношению к трудовым мигрантам две функции. Первая и основная – рэкет. Организованные преступные группировки «крышуют» мигрантов (т.е. обирают их под видом защиты). Но при этом они иногда выступают и в положительной роли, а именно: выколачивают из недобросовестного работодателя заработную плату, который тот вдруг отказался платить.

Некоторые сферы рынка труда, в частности, в мелкооптовой торговле, практически полностью контролируются криминальными структурами.

«Схема такова: торгующие на рынке попадают под так называемую «крышу» в лице азербайджанских криминальных авторитетов, а также имеют так называемый «общак». «Общак» - это определенная сумма денег, регулярно собираемая с торговцев выбранными ими самими из своей среды представителями для улаживания (в форме взятки) возникающих у отдельных торговцев проблем с милицией и властями. Если же появляются более серьезные проблемы (...), в дело вмешиваются азербайджанские криминальные авторитеты, которые реально контролируют тот или иной рынок в Москве. В свою очередь, имеется единый общемосковский «общак». В Москве его держатель, имея обширные связи в криминальной среде и правительственных кругах России и Азербайджана, контролировал Черемушкинский, Усачевский, Рогожский и Велозаводской рынки.» [Юнусов 2009:241]

«Силловые структуры»

Разумеется, криминальный контроль за деятельностью приезжих торговцев возможен только при условии сотрудничества криминала с правоохранительными органами. Об этом феномене стоит сказать особо.

«Самые большие проблемы у нас в Москве с милицией. Московская милиция хуже азербайджанской. Через каждые два- три дня ОМОН налетает и все может просто так перевернуть. Про оскорбления и унижения не говорю, это – норма (...) Совершенно спокойно могут тебе в карман положить наркотик или еще что-нибудь и забрать в участок. А там тебя такое ждет, что лучше не говорить. На Кузьминском рынке моему земляку, смеясь, открыто положили в карман гранату, потом вытащили и потребовали в качестве откупного 3 тыс.долларов. И попробуй не дать, еще хуже будет.» [Там же: 244]

Взаимодействие «силовиков» с трудовыми мигрантами осуществляется в разных формах. Это, во-первых, участие в прибыли компаний, использующих незарегистрированную рабочую силу. Во-вторых, побуждение к даче взятки за оформление надлежащих документов (регистрация по месту жительства и разрешение на работу). В-третьих, это рутинные поборы (уличными постовыми). В-четвертых, это прямая эксплуатация выходцев из «ближнего зарубежья» – посредством использования принудительного труда.

Сфера отношений между работодателями и трудовыми мигрантами, равно как между трудовыми мигрантами и чиновниками, оставалась практически бесконтрольной на протяжении полутора десятилетий. Лишь после вступления в силу в 2007 г. поправок к иммиграционному законодательству (когда разрешительная регистрация была заменена уведомительной, процедура оформления разрешения на работу была упрощена, а штрафы за использование нелегальной рабочей силы многократно увеличены), возникли условия для упорядочения отношений в этой сфере. Но пока до улучшения ситуации очень далеко.

Время от времени в СМИ появляются скандальные материалы, проливающие свет на скрытые механизмы функционирования треугольника «бюрократия-бизнес-труд мигрантов».¹⁶ Осенью 2010 г. в прессу попала шокирующая информация об использовании силовиками - в данном случае, офицерами ОМОН'а - принудительного труда мигрантов; по сути, речь шла о трудовом рабстве [Барабанов, Аронов 2010].

IV. «Незаконная иммиграция» как тема российской внутренней политики

IV. 1. Позиция бюрократии

Иммиграционную политику российских властей – как центрального, так и регионального уровня – трудно назвать последовательной. На протяжении длительного времени руководство отказывалось от публичного признания структурной зависимости страны от иностранной рабочей силы. Между тем экономическая рациональность диктовала необходимость такого признания. Многим чиновникам в правительстве и в президентской администрации уже в ельцинский период было ясно, что стремительную убыль трудоспособного населения нельзя компенсировать иначе, как за счет иммиграции. Но соображения *политической рациональности* заставляли власти замалчивать эту тему. Беспрецедентный спад производства в начале-середине 1990-х, дефолт 1998 г., нанесший новый удар по благосостоянию большинства населения (и без того весьма скромному) – в этих условиях ни один политик, озабоченный собственной популярностью, не станет публично говорить об обреченности страны на постоянный приток трудовых мигрантов.

Коллизией между экономической и политической рациональностью и объясняется, на наш взгляд, невнятность в действиях российских властей в сфере, именуемой «иммиграционной политикой». В 1992 г. создается Федеральная миграционная служба. В мае 2000 г. она упраздняется. Через полтора года функции ФМС поручают выполнять Министерству по делам федерации и национальностей, которое теперь называется Министерством по делам федерации, национальностей и *миграционной политике* (октябрь 2001 г.). Однако вскоре – а именно, в том же октябре 2001 г. – это министерство ликвидируется, вместе с ним исчезает и ФМС. Еще через полгода она возникает вновь, но теперь в составе МВД (февраль 2002 г.).

Параллельно существовало еще одно ведомство, курировавшее вопросы иммиграции – Правительственная комиссия по миграционной политике (создана в 1998 г.). Эта комиссия была упразднена в январе 2001 г.. В июне 2002 г. она была восстановлена, чтобы вскоре (в апреле 2004 г.) быть упраздненной окончательно.

Еще более курьезным выглядят и жесты высшей власти, адресованные русскому населению бывшего СССР, оказавшемуся после распада последнего за границами России. В октябре 2001 г. Владимир Путин выступает с речью на Конгрессе соотечественников, призывая выходцев из России возвращаться на историческую родину. Три недели спустя Министерство, которому было поручено обеспечить возвращение

соотечественников (все то же Министерство по делам федерации и национальностей), ликвидируется [Мукомель 2005:152].

До конца 1990-начала 2000-х гг. приток трудовых мигрантов не пытались ни остановить, ни отрегулировать. Дело было пущено на самотек.¹⁷

Наблюдатели отмечали в этот период скрытую борьбу «либералов» с «силовиками». Воплощением первых был министр экономики Герман Греф, а воплощением вторых – чиновник президентской администрации Виктор Иванов. Либералы призывали к прагматичной иммиграционной политике, учитывающей потребности российского рынка труда. Силвики – к жесткому ограничению въезда и усилению контроля над уже находящимися в стране мигрантами. В начале 2000-х гг. линия силовиков, похоже, возобладала. В 2002 г. были приняты Закон о гражданстве и Закон о правовом положении иностранных граждан, сильно ограничившие и возможности натурализации, и возможности легальной работы в России. Новые правила регуляции не преминули сказаться на официальной статистике: по ее данным, количество мигрантов, пожелавших приехать на работу в Россию 2003 г., резко сократилось по сравнению с предыдущими годами. На самом деле сократилось, разумеется, не количество трудовых мигрантов, а количество учтенных (коль скоро процедуры учета усложнились).

С экономическим подъемом позиция центральной власти изменилась. Первые признаки возросшего влияния либералов наметились в 2005-2006 гг. Высшие чиновники стали выступать с заявлениями о том, что стране «нужны квалифицированные рабочие руки». На улицах Москвы появились плакаты с таким лозунгом.

В 2006 г. федеральный центр принял беспрецедентные по своей радикальности поправки к иммиграционному законодательству: разрешительная регистрация была заменена на уведомительную. Кроме того, поправки существенно упрощали процедуру оформления разрешений на работу. Предприятия получили право объявлять правительству о количестве имеющихся у них вакансий, на основании чего правительство составляло квоты на набор трудовых мигрантов. Новый закон вступил в силу в январе 2007 г. Он несколько затруднил жизнь той части российской бюрократии и бизнеса, которые кормились благодаря прежней системе. Но радикального перелома в сложившейся системе общественных отношений не произошло.¹⁸

IV.2. Иммиграция и общественное мнение

Опросы общественного мнения фиксируют довольно высокий уровень мигрантофобии. Это можно объяснить следующими причинами структурного и культурного свойства.

1. Низкий уровень жизни большинства населения и слабые институты социальной защиты.

В этой ситуации сам факт присутствия иммигрантов воспринимается как угроза. Немалую роль в формировании такого способа восприятия играет и то обстоятельство, что в советский период географическая мобильность населения была крайне низка. Ее резкое увеличение после либерально-рыночных реформ начала 1990-х оказалось неожиданным (и неприятным) фактом. За почти два десятилетия, истекшие с той поры, облик российских городов и пригородов – во всяком случае, тех, в которых есть работа – изменился разительно. Количество старожилов в том или ином месте часто оказывается сопоставимым с количеством недавно приехавших.

2. Смена социально-экономического строя, произошедшая в 1991 г., привела к резким изменениям в социальной структуре. Эти изменения переживаются особенно болезненно потому, что частично сопровождаются *наложением социальных границ на этнические различия*. Совсем не случайно, что предвыборным лозунгом право-популистской партии В.Жириновского во время парламентской кампании декабря 2007 г. было «Мы за бедных, мы за русских!»

Как мы уже отмечали выше, в российской перерабатывающей промышленности – не говоря уже о сельском хозяйстве – зарплаты, мягко говоря, весьма скромны. Единственная сфера экономической деятельности, в которой простые граждане могут добиться относительно высокого качества жизни – мелкое предпринимательство в сфере торговли и услуг. За годы советской власти русское население (которое было сосредоточено в промышленности) привыкло рассматривать в качестве достойной работы именно работу в материальном производстве (или в науке как сфере интеллектуального производства). На сферу услуг и торговли смотрели свысока, а сфера предпринимательства вообще отсутствовала.¹⁹ Поэтому, когда после реформ начала 1990-х именно эта сфера стала источником материального благополучия, оказалось, что представителей «этнических меньшинств» в ней пропорционально больше, чем представителей «этнического большинства». Отсюда популярность мифа о вытеснении местных жителей мигрантами – прежде всего, выходцами с Северного Кавказа и Закавказья.

4. Смешение феномена транснациональной трудовой миграции с феноменом транснациональной преступности. Хотя трудовая иммиграция, с одной стороны, и

пересечение границ представителями криминального мира, с другой, представляют собой разные потоки, в массовом сознании устойчиво воспроизводится миф об их тождестве. Воспроизводству этого мифа в огромной степени способствуют СМИ, ничтоже сумняшеся называющие нигде не работающих членов организованных преступных группировок «гастарбайтерами».

Идеологические формы, в которых репрезентируется ситуация вокруг иммиграции – «оккупация» и «нарушение этнического баланса». Если первая из этих форм – удел наименее грамотной и наиболее социально уязвленной части населения, то вторая разделяется политическими и интеллектуальными элитами. Убеждение в реальности «этнического баланса» и в опасности его нарушения – характерная черта мышления значительной части экспертного сообщества.²⁰

IV.3. Трудовая миграция и аккумуляция социальной власти

Несколько изменяя типологию социальной власти, предложенную Майклом Манном [Mann 1986], можно выделить четыре вида социальной власти, концентрация которой связана с трудовой миграцией:

- экономическая
- политическая
- административная
- культурно-символическая.

Если для обладателей экономической власти отношение к трудовой иммиграции продиктовано инструментальной логикой (максимизация прибыли за счет минимизации издержек), то в остальных полях ситуация намного сложнее.

Можно выделить следующих агентов социального взаимодействия, прямо или косвенно вовлеченных в обсуждение «проблемы иммиграции».

1. Маргинальные политики ультраправого толка, отрицающие зависимость России от иммиграции или выдвигающие требования по законодательному понижению статуса иммигрантов. По их убеждению, если присутствие «гастарбайтеров» в стране и допустимо, то лишь при условии своеобразной системы апартеида, дающей привилегии коренному населению. Для ультраправых такая позиция – способ попадания в

информационное поле. Иногда им это удается. Названия организаций вроде «Славянский союз» или «Движение против нелегальной миграции»²¹ периодически всплывают в печатных СМИ и на телевидении.

2. Политики мейнстрима, выступающие с заявлениями о приоритете местной рабочей силы перед иностранной. Российские граждане, в самом деле, должны иметь приоритет перед иностранцами в доступе к рабочим местам. Но возможно ли удовлетворение потребностей рынка труда за счет россиян?²² Резоны, которыми руководствуются политики, делающие подобные заявления, не связаны с заботой о будущем российской экономики и российского общества. Их резон – обретение популярности у «электората».

Системных политиков отличает от внесистемных, прежде всего, осторожность в выборе риторики. Они, как правило, тщательно следят за тем, чтобы не дать повода обвинить себя в «национализме» и «экстремизме». Они, однако, разделяют с политическими маргиналами готовность помещать миграционную проблематику в контекст «межнациональных/межэтнических отношений». В таком контексте сложнейший комплекс общественных отношений – между работодателями и работниками, между административными структурами и бизнесом, между организованными преступными группировками и властями, между приезжими и местными работниками и т.д. – упрощаются до отношений между «этносомами». Результат такого упрощения – истолкование социальных конфликтов, связанных с иммиграцией, в качестве «межнациональных/межэтнических конфликтов». Крайне опасное упрощение, особенно если учесть, какой мобилизационный потенциал оно в себе таит. Пока претендентами на то, чтобы воспользоваться этим потенциалом, являются внесистемные общественные активисты – «националисты» и «экстремисты». Но совсем не исключено, что к этому ресурсу захотят прибегнуть и некоторые системные политики.

3. Чиновники федерального и регионального уровня, имеющие прямое отношение к разработке мер регуляции въезда и трудовой деятельности иммигрантов. Часть из них настаивает на необходимости жестко рестриктивных мер в сфере регуляции иммиграции; для них такая позиция – способ сохранения status quo (от которого напрямую зависит их благосостояние). Вместе с тем нельзя не видеть откровенных противоречий в позиции чиновничества. В частности, явного несоответствия между риторическим и инструментальным уровнем политики – между тем, что они говорят и тем, как они действуют. Особенно заметно это противоречие в регионах, непосредственно зависящих от миграционного притока (Приморский край, Амурская и Иркутская области, Калининградская область) [Дятлов 2009: 16-120]

4. Эксперты, занимающиеся консультированием по иммиграционной политике, а также публичные персоны, которых на Западе называют *opinion makers* – лидеры общественного мнения (популярные журналисты и интеллектуалы, имеющие доступ к СМИ).

Мы, разумеется, отдаем себе отчет в существенных различиях между экспертами, с одной стороны, и публичными персонами, с другой. Для нас важно, что и те, и другие оказывают влияние на общественное мнение. Каково это влияние?

На наш взгляд, в этой связи уместно выделить три категории. *Либеральные прагматики* говорят о необходимости выработать взвешенную иммиграционную политику, соответствующую долгосрочным политико-экономическим задачам. Центральный пункт их программы – привлечение в страну квалифицированной рабочей силы. (При этом потребность страны в притоке из-за рубежа именно квалифицированной рабочей силы – вопрос открытый. Структура сегодняшней российской экономики такова, что она поддерживает спрос скорее на неквалифицированных мигрантов).²³ *Этатисты-охранители* делают упор на ограничительных мерах. Признавая, в принципе, неизбежность иммиграции для экономического развития страны, они подчеркивают важность жесткого контроля в сфере въезда и занятости.²⁴ Наконец, *культурные фундаменталисты* вообще отрицают необходимость иммиграционного притока. Проблему убывающего населения они предлагают решать посредством стимулирования русских женщин к эксцессивному деторождению (5 детей на семью как норма), а незанятые рабочие места надеются заполнить за счет внутренней миграции. Хотя нереалистичность подобных взглядов и очевидна большинству участников общественных дебатов, часть фундаменталистской аргументации охотно подхватывается средствами массовой информации.²⁵

Негативные предубеждения относительно иммиграции и иммигрантов широко распространены в обществе, особенно у социально уязвимых слоев. Политики-популисты апеллируют к этим настроениям, пытаясь набрать дополнительные очки, а власти ссылаются на «общественное мнение», когда хотят принять меры рестриктивного и/или нарушающего права человека характера.²⁶

Между тем далеко не ясно, где здесь причина, а где следствие. Ясно лишь, что то, что в сегодняшней России называется общественным мнением, в значительной мере сконструировано самими СМИ. Среди выступающих по ТВ специалистов по миграции доминируют этатисты-охранители, а на ток-шоу – возможно, ради удержания интриги – приглашают в том числе и фундаменталистов.²⁷

Впрочем, те участники публичных дебатов, которых мы обозначили как «либеральных прагматиков», разделяют со своими оппонентами одну общую иллюзию. Это *иллюзия временности*. Подавляющее большинство аналитиков и журналистов, выступающих в СМИ на тему иммиграции, исходят из того, что иммигранты в России – временные работники. Между тем многие из трудовых мигрантов приехали в Россию для того чтобы в ней остаться.

Разговор об иммиграции пока идет почти исключительно в чисто экономическом модусе («иностранный рабочая сила», «импорт трудовых ресурсов»). Социальный и культурный аспекты проблемы почти не затрагиваются. Трудящиеся из других стран, которых местное население бездумно называет «гастарбайтерами»²⁸, рассматриваются как некие функции рынка, а не как живые люди, имеющие семью и планы на будущее. На сегодняшний день количество трудовых мигрантов, которые де факто являются членами российского общества (хотя де юре они – иностранцы), исчисляется многими сотнями тысяч.²⁹ У значительной их части есть дети, как приехавшие вместе с родителями, так и родившиеся в России. Они ходят в (или уже окончили) школу, многие учатся в университетах. Они испытывают (или не испытывают) на себе опыт дискриминации.

Стало быть, назрела необходимость поставить вопрос о *социальном включении* новопривывшего населения. Пока этот вопрос ставится крайне редко.

Среди тех, кто поднимает эту проблему в своих публикациях - Валерий Тишков.³⁰ Достоинство его подхода состоит, прежде всего, в том, что он вписывает феномен иммиграции в более широкий теоретический контекст – контекст социально-культурной антропологии. Иммиграционная проблематика для него – часть проблематики постсоветских социальных трансформаций. Кроме того, В. Тишков принадлежит одновременно к двум сообществам. С одной стороны, это ученый, с другой – публичная персона, или, как выражались в недавнем прошлом, общественный деятель. А это значит, что результаты его работы выходят за пределы академических институций.

Суммируем наши выводы в виде таблицы

СОЦИАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Измерения	Агенты	Отношение к иммиграции
Экономическое	Крупный бизнес в жилищном и дорожном строительстве, ЖКХ торговых сетях, на транспорте	Чисто инструментальное
Политическое	Власти федерального уровня	Постепенное признание зависимости страны от иммигрантского труда. Напряжение между экономической рациональностью и политической целесообразностью. Акцент на временной иммиграции (труде «гастарбайтеров»).
	Власти регионального уровня	Противоречие между инструментальной и символической политикой.
	Публичные политики	Либо уклончивая, либо сдержанно-антииммигрантская риторика
	Маргинальные общественные активисты на крайне правом фланге	Агрессивная антииммигрантская риторика
Административное	Федеральная Миграционная служба и другие подразделения Министерства Внутренних Дел	Материальные интересы, связанные с ограничительной иммиграционной политикой, процедурами регистрации и процедурами выдачи разрешений на работу
Культурно-символическое	Экспертное сообщество	Как анти-иммигрантские, так и про-иммигрантские установки
	Лидеры общественного мнения	Либеральные прагматики Консервативные этатисты Культурные фундаменталисты

Примечания

¹ Так, в 1998 г. из страны выехало 80,4 тыс. человек (по данным Госкомстата РФ; по данным МВД чуть больше - 83,7 тыс.); в 1999 г., - 108,3 человек, в 2000 г. 77,6 тыс. человек. [Долгих 2007]. «В целом эмиграция с середины 90-х гг. имела поступательную тенденцию к сокращению. Дефолт в России 1998 г. спровоцировал до 10-12% от общего объема эмиграции в последующий год, иначе бы объемы ежегодной эмиграции из России сейчас не превышали 55-57 тыс. человек.» [Там же]

² Количество россиян, работающих за рубежом по контрактам, составляет в среднем 60 тысяч человек в год. Наиболее популярные страны (в порядке убывания): Кипр, США, Мальта, Германия и Греция. [Рязанцев, Ткаченко 2008:57]

³ Сразу оговоримся, что рисуемая здесь картина не претендует ни на детальность, ни на всеохватность. Нюансированный анализ динамики иммиграции в Россию с точки зрения масштабов и характера миграционных процессов в постсоветском пространстве проделан Ж. Зайончковской, Г. Витковской, А. Коробковым и рядом других исследователей [Миграционная ситуация 1999; Витковская 1999; Зайончковская, Витковская 2009; Andrienko, Guriev 2005; Korobkov 2007], а эволюция иммиграционной политики российского руководства подробно изучена В. Мукомелем [Мукомель 2005].

⁴ Это касается горожан. В случае же сельского населения передвижение с одного места жительства в другое долгое время – до 1957 г. – было вообще невозможным, по причине отсутствия у сельчан паспортов.

⁵ По взвешенным оценкам, их количество на сегодняшний день составляет порядка 40 тыс. [См.: Иванова 2009-а]

⁶ Согласно официальным источникам, в Россию в 1992 г. въехало более 160 тыс. таких лиц, в 1993 – более 330 тыс., в 1994 – порядка 255 тыс., в 1995 почти 272 тыс. чел. Количество беженцев из Чечни в период между 1992-1995 годами составило, согласно официальной статистике 117 тыс. человек [Pilkington 1998:6]. Понятно, что немалая часть прибывших не попала в статистические сводки. Так, официальный учет беженцев и вынужденных переселенцев был начат в июле 1992 г, тогда как уже осенью 1991 г. в Российскую федерацию въехало более 700 тысяч человек из республик тогдашнего СССР [Мукомель 2005: 14]

⁷ Как отмечают вдумчивые исследователи [Коробков, Палей 2005], такая разница в оценках объясняется не столько различиями в методологии подсчетов, сколько различиями в *идеологии* тех, кто дает такие оценки. В частности, цифра в 19 млн. «нелегалов» дана Виктором Петровичем Ивановым, высокопоставленным чиновником, некоторое время курировавшим вопросы миграции в администрации президента [Иванов 2002]. Оценка в 700 тыс.- 1,5 млн. принадлежит чиновнику другого ведомства (ныне уволенному) – Владимиру Волоху [Волох 2002].

⁸ В этот период происходит поистине взрывное распространение торговых сетей, а также амбициозных проектов в шоу-бизнесе.

⁹ Впрочем, вопрос о конкуренции за рабочие места в этом секторе нуждается в специальном анализе [Зайончковская 2009-а:80; см. Тюрюканова 2011]

¹⁰ Стоит, правда, отметить значительное облегчение процедуры регистрации, а также упрощение процедур получения разрешения на работу, произошедшее в 2007 г.

¹¹ Организацию возглавляет выходец из Афганистана, имеющий российское гражданство.

¹² Помимо организаций, названных выше, нельзя не упомянуть многолетней активной деятельности Лидии Графовой и возглавляемого ею «Форума переселенческих организаций». См. Графова 2006.

¹³ Вдумчивый анализ китайской иммиграции в Россию отличает работы Вили Гельбраса. См. Гельбрас 2004; Гельбрас 2009.

¹⁴ В социологи миграции применяется менее двусмысленная терминология, а именно, выражения «документированная» или «регулярная» миграция (documented, regular) и «недокументированная», или «иррегулярная» (undocumented, irregular).

¹⁵ Массив публикаций на эту огромен. См, например: Комарова 2003.

¹⁶ Один из многочисленных примеров – скандал вокруг Орехово-зубовского ФМС. [См.: «Поехали», Эхо Москвы, 11 марта 2010]

¹⁷ В этот период один из чиновников, возглавлявших злополучное Министерство – А.Блохин, выступал в печати с заявлениями о том, что вверенное ему ведомство выдает иностранцам порядка 220 тыс. разрешений на работу, тогда как экономическая необходимость в их труде, по его мнению, составляла на тот момент не менее 1,5 миллионов. См.: Блохин 2001.

¹⁸ Прежние – крайне запутанные – правила легализации иностранного труда вытаскивали за пределы правового поля от 90 до 95% трудовых мигрантов. Новые правила позволили выйти из тени примерно трети из них. Однако на сегодня, по разным оценкам, от 65-70% иммигрантов работают в России нелегально [Тюрюканова 2009]

¹⁹ За людьми, занятыми в этой сфере, закрепился ярлык «торгаши», имевший отчетливо пейоративное значение.

- ²⁰ Критику одержимости российских экспертов «этническим балансом» см.: Малахов 2004.
- ²¹ Теми, кто знаком с идеологией этой организации, аббревиатура ДПНИ расшифровывается как «Движение против неславянской миграции».
- ²² По данным Росстата, убыль трудоспособного населения в России составит 8 млн. чел. К 2015 г. и 18-19 млн. чел. К 2025 г. [Предположительная численность населения России до 2025 г. Бюллетень. Росстат 2007]. По данным ООН, доля лиц старше 60 лет в структуре населения к 2050 г. возрастет до 37,2 % [World Population 2001].
- ²³ Заметные представители этой позиции – Сергей Градировский. [Градировский 2005; Градировский 2010] и Вячеслав Поставнин (бывший заместитель начальника ФМС РФ, а ныне – глава Фонда «Миграция XXI век»)
- ²⁴ К этой категорий можно отнести экономиста Михаила Делягина [Делягин 2007], а также политика Алексея Митрофанова, некогда второго человека в партии Жириновского, а ныне «справедливоросса». А.Митрофанов активно выступает в СМИ с критикой «либеральной» иммиграционной политики и призывает решать проблему нехватки трудовых ресурсов за счет завоза на срок 2-3 года мужчин из Северной Кореи. Предполагается, что они будут доставляться в Россию и транспортироваться на родину под пристальным оком северокорейских спецслужб, а проживать в специально оборудованных местах.
- ²⁵ Мы не станем называть здесь имен протагонистов фундаменталистских взглядов, чтобы не делать им публицити.
- ²⁶ Особенно это свойственно властям регионального уровня. Их решения в сфере регулирования иммиграции иногда являются столь откровенно дискриминационными, что отменяются федеральной властью как антиконституционные. [Подробный обзор см. в: Мукомель 2005]
- ²⁷ Отметим в этой связи еще одну любопытную взаимозависимость. Эксперты – в значительной мере - опираются на информацию официальных структур, т.е., в конечном итоге, чиновников. Чиновники же, в свою очередь, ориентируются в своих публичных выступлениях (если не в действиях) на «экспертную оценку». Возникает порочный круг.
- ²⁸ Симптоматично, как легко вошло в современный русский язык это немецкое слово.
- ²⁹ Внимательные аналитики не раз обращали внимание на следующую коллизию. Дети трудовых мигрантов с неурегулированным статусом – как любой постоянно проживающий в России ребенок, достигший 7 лет – учатся в средней школе. Для работников системы образования эти ученики – объект заботы и попечения, которых надо обучать, тогда как для работников миграционных служб они – нарушители закона, которых надо (вместе с родителями) депортировать. [Дятлов 2009:365]
- ³⁰ См.: Тишков 1998; Тишков 2001; Тишков, Малахов 2002; Тишков 2006.

Библиография

- Азраэл Дж., Мукомель В., Паин Э. 1997. Миграции в постсоветском пространстве: политическая стабильность и международное сотрудничество // Rand Center for Russian and Eurasian Studies. М.: Центр этнополитических и региональных исследований.
- Ахиезер А. Эмиграция из России: культурно-исторический аспект // "Свободная мысль", 1993 г., №7, с.70-78
- Комарова Е. 2003. В Саратове обнаружен подпольный цех, использующий рабский труд гастарбайтеров // <http://www.fergananews.com/article.php?id=1781>
- Барабанов И, Аронов Н. 2010. Рабы ОМОНа [OMON's slaves]. - New Times, 11.02.2010 = <http://newtimes.ru/articles/detail/14721>
- Барсукова С.Ю. 2004. Возможно ли в России уменьшить теневую занятость? // Вопросы статистики. 2004. No 7: 40-46.
- Блохин А. 2001. Миграционная политика России // *Этносфера*. № 1. (28).

-
- Вендина О. 2005. Мигранты в Москве: грозит ли российской столице этническая сегрегация? М.: Институт географии РАН. (Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 3 / Под общей редакцией Ж. Зайончковской. Центр миграционных исследований
- Витковская Г. 1998. (Ред). Вынужденные мигранты из новых независимых государств на российском рынке труда // Миграция и рынки труда в постсоветской России. (Научные доклады Московского Центра Карнеги. Вып.25). М.: Московский центр Карнеги.
- Витковская Г.С. 1999. Вынужденная миграция в Россию: итоги десятилетия. // Миграционная ситуация в странах СНГ / Под ред. Ж.А.Зайончковской. М.: Комплекс-Прогресс. С.159-195.
- Витковская Г. 2002. (ред.) Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России. М.: Гендальф.
- Волох 2002. Незаконная миграция: причины и следствия // «Миграция в России», № 2 (январь) 2002.
- Гельбрас В.Г. 2004. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М.: Муравей.
- Гельбрас В.Г. 2009. Китайские иммигранты в Москве // *Иммигранты в Москве* / Под ред. Ж.А.Зайончковской. М.: Три квадрата.
- Градировский С.Н. 2005 (ред). Политика иммиграции и натурализации в России: состояние дел и направления развития. Аналитический доклад. М.: Фонд «Наследие Евразии», Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа.
- Градировский С. Есть ли у России миграционная политика? // Полит.ру. 2010. 28 января. <http://www.polit.ru/analytics/2010/01/28/migrationpolicy.html>
- Графова Л. 2006. Кому выгодна война с мигрантами. Сб.публикаций 2001-2005 г.г. М.: Информационное агентство «Миграция».
- Долгих Е.И. 2009. Эмиграция из России <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/09/dol/>
- Делягин М.Г. Россия для россиян. М.: Алгоритм, 2007.
- Дятлов В.И. 2009. (ред). Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.
- Зайончковская Ж. 1999. (ред). Миграционная ситуация в странах СНГ. М.: Комплекс-Прогресс, 1999.
- Зайончковская Ж. 2009. Транзитная миграция в странах СНГ: сравнительные перспективы // Транзитная миграция и транзитные страны: теория, практика и политика регулирования Под редакцией И. Молодиковой и Ф.Дювеля. М.: Университетская книга. С.68-97.
- Зайончковская 2009-а (ред). Иммигранты в Москве М.: Три квадрата.

-
- Зайончковская Ж., Витковская Г. 2009 (ред). Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / Центр миграционных исследований. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Москва: Адамант.
- Зайончковская Ж., Мкртчян Н., Тюрюканова Е. 2009. Россия перед вызовами иммиграции // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / Под ред. Ж.Зайончковской и Г.Витковской. Центр миграционных исследований. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Москва: Адамант, 2009. С. 9-62.
- Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. 2009. Роль миграции в динамике численности и состава населения Москвы // Иммигранты в Москве / Под ред. Ж.А.Зайончковской. М.: Три квадрата.
- Иванова Т.Д. 2009. Таджики в московском социуме // *Иммигранты в Москве* / Под ред. Ж.А.Зайончковской. М.: Три квадрата.
- Иванова Т.Д. 2009-а. Афганцы в Москве: интеграционный потенциал // *Иммигранты в Москве* / Под ред. Ж.А.Зайончковской. М.: Три квадрата. С. 209-236.176-208.
- Ивахнюк И. 2009. Транзитная миграция: вызов для России? // Транзитная миграция и транзитные страны: теория, практика и политика регулирования. / Под ред. И. Молодиковой и Ф.Дювель. М.: Университетская книга. С.98-129.
- Коробков А.В., Мукомель В.И. Опыт миграционной политики США: уроки для России. Московское бюро по правам человека. М.: “Academia”, 2008.
- Коробков А., Палей Л. Социально-экономическая роль денежных переводов мигрантов в СНГ // Тенденции международной миграции: Доклады, представленные на секцию 143 XXV Конференции IUSP – Международного союза научных исследований в области народонаселения, 18-23 июля 2005 г., Тур, Франция / Гл.ред. В.А.Ионцев. М.: Макс Пресс, 2006. С.151-171.
- Красинец Е., Кубишин Е, Тюрюканова Е. 2002. Нелегальная миграция в России: выбор стратегии регулирования // Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России / Под ред. Г.Витковской. М.: Гендальф. С.227-259.
- Кузнецов И., Мукомель В. 2007. Формирование этнических ниш в российской экономике // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. № 51.
- Малахов В. 2004. Этнизация феномена миграции в публичном дискурсе и институтах // *Космополис*. №1 (7).
- Митрохин Н. 2003. Трудовая миграция из государств Центральной Азии // *Отечественные записки*. № 3.

-
- Полетаев Д. 2003. Нелегальная миграция: результаты социологического исследования в регионах России // Demoscope-Weekly, # 137-138, 1-14 декабря.
- Предотвращение и противодействие распространению рабства и торговли людьми в российской федерации. Итоговый доклад по исследовательской части проекта Европейского Союза, реализуемого Бюро Международной организации по миграции (МОМ) в РФ
- Тишков В.А. 1998 (ред). Вынужденные мигранты и государство. М: ИЭА РАН.
- Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001
- Тишков В.А., Малахов В.С. 2002 (ред). Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М.: ИЭА РАН.
- Тишков В.А. 2006. Миграции как глобальная проблема и развитие России // http://www.valerytishkov.ru/cntnt/na_sluzhbe/v_obshestv2/migracii_k.html
- Тюрюканова Е.В. 2009. Трудовые мигранты в Москве: «второе» общество // *Иммигранты в Москве* / Под ред. Ж.А.Зайончковской. М.: Три квадрата.
- Тюрюканова Е. 2011 Трудовая миграция в Россию // Электронная версия бюллетеня «Население и общество» <http://www.polit.ru/research/2008/01/21/demoscope315.html>
- Юнусов А. 2009. Трудовая эмиграция из Азербайджана: стратегии и риски интеграции в рынок труда // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / Под ред. Ж. Зайончковской и Г. Витковской. - Центр миграционных исследований. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Москва: Адамант. С. 227-263.
- Andrienko, Y., Guriev, S. 2005. Understanding Migration in Russia. Moscow: CEFIR. (Policy Paper Series, Center for Economic and Finance Research of New Economic School, #23, (November)
- Mann M. 1994. The Sources of Social Power. Vol.1. NY: Cambridge University Press.
- Pilkington, H. 1998. Migration, Displacement and Identity in Post Soviet Russia. L., NY: Routledge.
- Reeves, Madeleine. 2007. Becoming 'black' in Moscow: subjectivity and the negotiation of "law" in a Moscow migrant community. [Unpublished manuscript]
- Vendina O. 2002. Social Polarization and Ethnic Segregation in Moscow // Eurasian Geography and Economics, Vol. XXXXIII, #3, April-May, 216-244.
- World Population Prospects: The 2000 Revision. United Nations. New York, 2001. Vol.1: Comprehensive Tables.